

реченные защитники безнадежного дела, расположившись в отличном настроении у рояля или за обеденным столом», приветствовали английского гостя, провозгласив «со всей должной почтительностью» тост за процветание Англии и за здоровье королевы Виктории. Вполне понятно, что от такого приема гостю стало грустно. *Morituri te salutant* *.

Заканчивая свой рассказ, путешественник бросает взгляд на будущее восстания. Когда он писал свой очерк, ему казалось, что повстанцы теперь, «пожалуй, сильнее, чем когда-либо». Русскому правительству, «близкому к банкротству», еле удавалось сдерживать сопротивление, располагая в Польше и старых польских провинциях войском в 250 тысяч человек. Из Петербурга были посланы туда гвардейские части, был объявлен призыв новобранцев, которые могут быть отправлены на границу лишь через несколько месяцев. Принимая во внимание эти обстоятельства, автор полагает, что князю Горчакову придется уступить «перед любой сколько-нибудь серьезной угрозой».

«Поляки, — говорит автор, — ни в коем случае не сложат оружия и не сдадутся на милость победителя».

Как бы то ни было, первейший долг Европы — «немедленно приостановить кровопролитие». — «В настоящий момент, по-видимому, достаточно было бы пригрозить, что наш посол будет отозван. Через полгода армии и флоты западных держав уже не смогут вернуть жизнь мертвецу, и в Европе станет одним народом меньше». Так он взволнованно заключает свое письмо.

Несколько раньше автор, полный самых благородных чувств, сравнивает возвышенное самоотречение, которым проникнуто все польское общество, с «образом жизни в тех странах, где нет свободы, где дозволены лишь позорные развлечения», и признается, что «едва ли находит в сердце своем жалость к юношам, растущим в каком-то заколдованном кольце, куда лишь долг и героизм имеют доступ». Напротив, это чувство он оставляет для «тех, кто уцелеет из армии мучеников, для страны и Европы, которые приносят их в жертву, самых самоотверженных и храбрых — ведь такие погибают первыми». Далее он спрашивает: «Что станет с делом порядка в Европе и чего стоят наши политические лозунги братства во Христе, принцип невмешательства, если мы допустим, чтобы такая цивилизация, как польская, была растоптана казацкими сапогами?»

* * *

Нам думается, что публикуемый текст содержит весьма существенный материал для подтверждения авторства Герцена.

И прежде всего нельзя не обратить внимания на одно общее свойство интонации автора, самой его позиции. Его угол зрения определенным образом дистанцирован по отношению к очерку Пирсона. Это взгляд со стороны. Оценивает по достоинству активность мысли английского корреспондента и его «энергический характер», «упорство, свойственное его нации» во всяком случае не англичанин. Равно как не англичанин столь пристально и иронично, явно извне, вглядывается в типы английских путешественников.

Если учесть, что рассматриваемое произведение появилось впервые в качестве редакционной статьи английской газеты, то этот факт уже сам по себе примечателен. И — добавим — скорее всего человек, наблюдающий с некоторой духовной дистанции западную цивилизацию вообще (а именно таков был взгляд Герцена в эти годы), может с такой внутренней нескованностью отдавать равную дань уважения и «духу свободной Англии», и «борцам и мученикам свободолюбивой Европы».

А теперь перейдем к более конкретным наблюдениям над содержанием и стилем предисловия.

* Идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).